

иконное. Предыконное перерастает в иконное, предыконное положение – быть пред иконой, в стоянии неподвижного духовного горения, моления, молитвы. Моление пред иконой, моление появления в иконе, о входе в икону, прихожая как преображающее воскрешающее пространство есть предыконное пространство, есть потеря света тварного, домашнего. Выключение света в прихожей – обретение света иного, неведомого, внутрииконного пространства. Иванушка-дурачок пред кораблем, молящийся перед иконой. Иван-возлетающий, молящийся в иконе. Иван – уже не Иван-дурак. Иван – тупица, тупик, но Иван-корабль, Иван-путь, Иван-крылатый, софийный. Иван абсолютно признает свое незнание.

«Разве ты сможешь такой корабль построить? Это дело мудреное, пожалуй, не сладишь. Мудреное не мудреное, а попытаться надо: глядишь, и слажу! Вот и ты, кстати, пришел. Старые люди бывалые, сведущие. Может, и ты мне что-нибудь присоветуешь».

Но в то же время есть призвание и есть вера в другое, над ним, над всем знание. От Ивана уже идут восходящие, приподымающие его потоки. Признанием своего незнания Иван совершенно освобождает себя от тяжести плоти. Тварное знание не дает оторваться от земли, оно плоскостное, безбожное, бездуховное, тяжелое. Полевое знание – светлое, одухотворенное, восходящее, легкое, и ты сам в нем легок. Тяжелая мысль подобна гусенице, змее. Легкая мысль подобна птице, ангелу. Иван, в отличие от своих братьев, изначально легок. Встреча со старцем помогает ему обрести легкость абсолютную. Лес – плоскостной мир. Плоскость – горизонталь. Змея, червь, пресмыкание. Но плоскость-горизонталь уже предполагает переход в вертикаль, в объемность, иконность, софийность. Полозья, плоскость, загнутость кверху – в этом видится не переходность, преображение, иконность, софийность. Русские салазки – уже иллюстрация софийности бытия. Изогнутость образуется из невозможности, бессмысленности прежнего движения, в тупике, ударе об стену. Прямое острое сгибается, заворачивается, закручивается, закручинивается. Подъем начинается с образования кручины, кручи в себе. Это печаль, вызывающая возвышение. В тебе плоскостном вдруг образуется объемное, возвышенное. Это ты сам объемный, возвышенный. Быть высоко в себе значит быть в одиночестве себя, в ночи себя. На круче ты один. Нет никого, нет препятствий, нет трения. Скольжение и есть отсутствие препятствий, трения. Нет препятствий – есть скорость. Духовная жизнь тоже подобна скольжению. Ничто для духовного человека не является препятствием. Ничто не создает трения. Он уже преображен, софиен, и путь преображения преображает, превращает в софийный, его скорость все растет, все увеличивается. Спаси Господи!

Доклад 34. Картография русской идеи

Олег Юрьевич Карнеев

Выпускник философского факультета МГУ им. Ломоносова,
сотрудник Издательского Дома «Русская философия».

Я хотел бы начать свой доклад с благодарственного слова, обращенного к организаторам Философского Собора, и выразить им огромную признательность за возможность внести свой вклад в такое знаковое для философии в России событие, а именно, Собор, посвященный русской идее и поиску ее онтологических оснований.

Термин *idea*, или *эйдос*, известен нам, прежде всего, по диалогам Платона. И несмотря на то, что как таковой «теории идей» (я в этом следую за советским антиковедом и историком философии Алексеем Федоровичем Лосевым) у Платона мы не находим, эту теорию из диалогов Платона мы можем определенным образом «достать» и эксплицировать. Идея, по Платону, есть денотат общего имени. Денотат, в свою очередь, есть то, что репрезентирует или, можно сказать, представляет наши слова, тогда как слова являются неким отражением единых, нерушимых и вечных идей. В одном из диалогов, кажется в «Критоне», Платон через своего Сократа говорит, что если бы идеи представлялись чем-то множественным, то они бы не смогли удержать смысл слов и были бы подобны дырявому ведру, способному собрать и удержать в себе воду.

В подобном каноническом ключе, только уже много позже, термин «идея» понимал другой философ, публицист и общественный деятель – князь Евгений Николаевич Трубецкой, который был учеником известного русского философа Владимира Соловьева. В своей работе «Смысл жизни», которая вышла в Москве в 1918 году, Трубецкой, перед тем как перейти непосредственно к вопросу смысла жизни, решает предварительно разобрать вопрос смысла вообще. Для этого князь предлагает читателю представить в своем воображении берег реки, например Волги, и себя сидящего и смотрящего в голубую даль. И вне-

запно, пишет Трубецкой, перед смотрящим на горизонте появляется нечто странное, какой-то образ, слышится какой-то шум, происходит какой-то хаос. Трубецкой говорит, что человек, сидящий на берегу, не понимает, что перед ним, то есть не может понять смысл происходящего. Но в один миг случается нечто, и наблюдатель понимает, что то, что он все это время видел – это спускающийся вниз по реке пароход. То есть мгновенно из того изначального хаоса, не имеющего смысла, организуется нечто осмысленное и знакомое. В этой связи князь Трубецкой говорит, что смысл – всегда есть нечто общезначимое, то есть если мы что-то и понимаем, то это что-то будет всеобщим. Получается, если смысл не общезначим, то это уже не смысл.

Но тут следует вопрос. Кто является учредителем смысла? Может ли, например, свободное, самостоятельное внеобщественное сознание творить смысл? Вполне. Общая психология называет такие смыслы личными смыслами, то есть смыслами, которые формируются самим индивидуальным субъектом безотносительно к общественным смыслам. Например, это отношение ребенка с его игрушкой. Те роли, что ребенок дает в процессе игры своей игрушке, не указаны ему заранее, он самостоятельно их строит и приписывает, однако все же нужно понимать, что и играть ребенка вообще-то учат. Я сейчас об этом говорю, поскольку именно в детстве человек через познание действительности познает и большинство смыслов, но с действительностью, например с ножницами, ребенок не знакомится самостоятельно, один на один с ножницами ребенка никто не оставит. Таким образом, любой смысл пребывает вместе с социальной средой, вместе с обучением. В этой связи важно сказать о триадичности смыслового акта, где есть Я, смысл и обязательно некий другой. Можно сказать, что вплоть до конца XIX века для общественной мысли этим другим являлся Бог.

Так, неудивительным представляется мой выбор картографии как методологического приема. Поскольку картография, если пользоваться определением из современного справочника, наука, отображающая действительность пространства, размещения и взаимосвязей природы и общества посредством образно-знаковых моделей в наглядной форме. Карта выбрана в противоположность схеме, которая, можно сказать, скрывает за своей простотой некоторые очень важные смыслы, которые как раз может показать нам карта. Карта соединяет в себе различные онтологические миры, соответственно, на ней могут встретиться абсолютно разные символы. Карта не является копией местности, в отличие от снимка или пейзажа, это изображение реальности, пропущенное через руки и голову картографа. Основной метод картогра-

фии – это генерализация, которая заключается в целенаправленном обобщении частей действительности, соответствующих назначению той или иной карты. И главным требованием в данном случае является обоснованность. Возвращаясь к вопросу о русской идее, в этой связи можно заключить, что не только лишь в идеальном пространстве или в пространстве идей стоит искать русскую идею. Мы можем использовать ментальные карты, чтобы представлять ее более многогранно.

Например, начать с истории. Вспомнить, что в августе 1649 года между царем Речи Посполитой и Богданом Хмельницким был подписан мирный договор, по которому киевский воевода оставался православным, земли, которые были отобраны унией, должны были вернуться в лоно Православной церкви. Мирный договор был подписан, однако Речь Посполитая своих обязательств не выполнила, поэтому Хмельницкий решает заключить союз с российским царем при сохранении Киевской метрополии, которая в 1683 году присоединится к Московской.

Однако во второй половине XVII века на территории России происходит очень бурная полемика между грекофилами и латинянами (классическое противостояние, прообраз славянофилов и западников в XVIII веке). Латинская партия поддерживалась и украинской иерархией, и всей Северной Европой. Вторая партия (грекофилы) была более традиционалистской, ее придерживался патриарх Московский Иоаким, поддержавший Петра I в надежде, что тот поддержит греческие традиции в этом споре. Но Петр не оправдал ожиданий Иоакима и занял очень жесткую позицию относительно церкви, что в те времена было общим местом у многих правителей. Позиция Петра заключалась в том, чтобы выстроить жесткую вертикаль власти и превратить церковь в один из элементов государственного аппарата. Это вызвало огромное негодование: так, около 20 % судопроизводств XVIII века – это все дела духовенства. Старообрядцы называли Петра I Антихристом. Петр симпатизировал латинянам, из 127 архиереев, которые в то время занимали православные кафедры, 70 были украинцами и белорусами. Среди этих приближенных Петра особенно можно отметить Феофана Прокоповича, автора известного труда «Правда воли монаршей», в котором с позиций духовенства обосновывается переход светской власти по велению (воле) самого государя, а не по династическому признаку, как это было раньше. Таким образом, обосновывалась абсолютная власть государя, единственным авторитетом для которого может быть только Бог. Так мы можем здесь отметить два возможных пути преодоления схизмы: либо мы используем латинские обряды и равняемся на них, либо мы находим что-то в своей культуре.

Славянофилы, такие как Хомяков и Аксаков, сравнивали Россию и Запад по нескольким строгим критериям: государственное устройство, церковный аспект, бытовой аспект – и тому, как проходило там и там просвещение. Вообще, стоит сказать, что дихотомия славянофилов и западников – во многом надуманное противопоставление, что не раз уже подчеркивалось здесь на Соборе. Однако считается, что, например, русский социализм, известным представителем которого был Герцен, вышел из западнического лагеря. При этом он так же, как, скажем, и Хомяков, отстаивает особые пути России и видит у нее особую судьбу. Известный западник Петр Яковлевич Чаадаев проходит у Герцена в «Былом и думах» в главе с пометкой «не наши», несмотря на то, что традиционно Чаадаева записывают именно к западникам. А все потому, что именно во флигеле Чаадаева постоянно гостил известный славянофил Хомяков.

Главное различие между Западом и Россией, по Хомякову, то, что составляет основу всякой цивилизации, то, что является основным двигателем истории – это религиозная вера, в России – это православие, на Западе – католичество. Так главный грех Запада, по Хомякову, а именно рационализм, имеет своим истоком именно католическую веру. Хомяков здесь отсылает к тому, что в западной мысли присутствует сложный и детализированный схоластический аппарат, который свидетельствует об отступлении Запада от истинной веры и необходимости рационального для нее обоснования. Россия, по Хомякову, обязана поведать миру тайну свободы от греха рационализма.

Однако антиномичность западников и славянофилов XVIII века переходит в XIX век новым противоречием. В данном случае на интеллектуальной арене выступают нигилисты против, как их называют, тенденционалистов, таких как Писарев и Чернышевский. Так, в XIX веке появляется концепт критически мыслящей личности, который через Чернышевского получил другое название – новый человек. XIX век – это антропологический век, то есть новый человек стал новым типом эпохи. Этих людей можно представить как «санитаров леса» (ницшеанская мораль), и их задачей является осуществление прогресса несмотря ни на что. Мир Чернышевского – это мир математики, биологии, физики, мир точных наук.

С таким миром в своем творчестве спорит Ф. М. Достоевский. Он развивает идею того, что человек имеет право «отбиться от стада», то есть никто не может лишить человека каприза. Так, красота у Чернышевского может быть только в искусстве, однако, например, Соловьев говорит, что красота может быть и в природе, например алмаз или пе-

ние соловья. По Соловьеву всё, так или иначе, будет нужно и необходимо для дела всеобщего единства.

Достоевский, которого многие считают главным выразителем русской идеи, прекрасно подчеркнул всю человеческую противоречивость в одном из своих писем. Это фрагмент из письма графу Романову: «Опять-таки в моем романе „Бесы“ я попытался изобразить те многообразные и разнообразные мотивы, по которым даже чистейшие сердцем и простодушнейшие люди могут быть привлечены к совершению такого же чудовищного злодейства. Вот в том-то и ужас, что у нас можно сделать самый пакостный и мерзкий поступок, не будучи вовсе иногда мерзавцем! Это и не у нас одних, а на всем свете так, всегда и с начала веков, во времена переходные, во времена потрясений в жизни людей, сомнений и отрицаний, скептицизма и шаткости в основных общественных убеждениях. Но у нас это более чем где-нибудь возможно, и именно в наше время, и эта черта есть самая болезненная и грустная черта нашего теперешнего времени. В возможности считать себя, и даже иногда почти в самом деле быть, немерзавцем, делая явную и бесспорную мерзость, – вот в чем наша современная беда!»

Еще одним деятелем той эпохи, также пытавшимся ответить на вопросы о русской идее, был Николай Федоров. Федоров был близок с Достоевским, например известно, что свой последний роман «Братья Карамазовы» Достоевский написал именно под впечатлением от идей Федорова, темы, которые были там подняты: воскресение, отцы и так далее – это все идеи Федорова. Федоров считал, что жизнь не ограничивается исключительно нашей планетой, а имеет, можно сказать, космический характер. Наша планета есть лишь колыбель жизни, из которой далее мы должны отправиться в открытый космос, на другие планеты. Однако основным в этой задаче является воскрешение отцов, чем, собственно, и обусловлен полет живых на другие планеты, так как Земля должна была стать домом нашим воскресшим отцам.

Важно упомянуть и о XX веке, а именно о взгляде Данилевского на мировую историю. В XX веке концепции Данилевского и Шпенглера показали наивность представлений современной им историографии, то есть представлений о единой истории, провиденциализме и т. д.

Так мы можем сделать вывод о том, что пространство русской идеи является «полифоничным» пространством, пользуясь терминологией советского культуролога и философа М. М. Бахтина, в котором звучат разные голоса, при этом ни один из них не выходит на первый план, они все главные, при том, что главных среди них нет. В пространство русской идеи может быть включен даже постмодернизм, например, в лице

Олег Юрьевич Карнеев

Малевича или Кандинского. Так и задачей моего доклада было продемонстрировать, насколько разнородные объекты можно использовать в построении русской идеи, а также насколько сложную и многогранную карту мы можем получить, занимаясь этими вопросами. Спасибо.

Доклад 35. Русская идея: модерн 2.0

Анастасия Владимировна Митрофанова

Доктор политических наук, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ, ведущий научный сотрудник Отдела исследования социально-политических отношений Института социологии ФНИИСЦ РАН.

Хотелось бы начать с того, что в последнее время в России и за ее пределами массово обсуждается тема традиционных ценностей. Само по себе такое активное обсуждение доказывает, что традиционные ценности – это что-то такое, что мы не можем увидеть вокруг себя. Потому что иначе люди просто жили бы в соответствии с этими ценностями, а не требовали их реставрировать, в том числе с помощью законодательных институтов. Сейчас даже нет единого мнения в обществе о том, что именно относится к традиционным ценностям, тем более нет единого мнения относительно их содержания. Поэтому мне хотелось бы еще раз вернуться к таким понятиям, как традиция и модерн.

В доиндустриальный период все человечество обитает в мире традиции. Традиция не является синонимом застоя и полного отсутствия прогресса, в мире традиции происходит технологическое развитие. Оно происходит благодаря механизмам непосредственной передачи опыта от поколения к поколению. Происходит накопление технологического опыта ремесленниками, и благодаря этому в мире традиции возможны великие технологические достижения, но они не сопровождаются массовым производством. Следует отметить, что мир традиции – это мир ограниченных ресурсов, поэтому человек традиции никогда не бывает один, он не выживет один. Человек в это время является не индивидом, а социальным институтом. Человек – это семья, религиозная община, ремесленный цех и т. д. И, поскольку речь идет о выживании в традиционном обществе, эти социальные институты человек воспринимает абсолютно серьезно, даже сверхсерьезно. Семья, род, религия – всё это очень-очень серьезно. Если мы говорим о религиозной вере, то не хотелось бы, конечно, говорить, что традиционный человек верит как-то лучше или больше, чем человек модерна. Но, в отличие от человека мо-